

предложил рассматривать сознание в диалектике взаимодействия обоих его важнейших элементов: знания и предмета.

Вопреки этому Ю. В. Тихонравов нацелен на те абстрактные ценности, которые с избытком производит светское государство. Отсюда верования новых религиозных движений у него преобразуются исключительно в предмет, то есть им отказывается в праве на собственное знание. Когда же автором рассматриваемого проекта осознается вся ограниченность правовых установок современного светского государства, взятых в отрыве от конкретной религиозной традиции (сформировавшей его когда-то в истории), он меняет позицию на диаметрально противоположную. И в этом случае он столь же односторонне принимает точку зрения этой традиции (как в приведенном выше примере с распространением христианства и ислама среди народов Восточной Европы). Его же собственная попытка выделить общие негативные характеристики верования, могущие привести к антисоциальным последствиям, в свою очередь, оказывается критикуемой потому, что *всякие* вновь возникающие религии (и традиционные в процессе своего возникновения в том числе) попадают под данные указатели.

*Качурова С. В.,
доцент кафедры логики Национального
юридического университета имени Ярослава Мудрого,
г. Харьков*

Новые религии в средствах массовой информации

В основании первого, непосредственного, опыта познания данного феномена (не столько его исследования, сколько *сообщения* о нем) находится форма, которая еще не признает за ним никакой самостоятельности. Особенность этой формы заключается в том, что определенность предмета она относит больше к себе, к своим интересам. Это – пресса. Ее, по отношению к новым религиям, Ю. В. Тихонравов предлагает разделить на три вида: бульварную, официальную и церковную. К первой он относит, к примеру, такие статьи, как Белое братство идет в атаку // Московский комсомолец. – 1993, 30 окт.; ко второй – Бычкова И. Зятягивают в ...секты// Градские вести. – 1994. – №1; к третьей – Бредун Ю. Ловцы душ// Церковный вестник. – 1994. – №7/107.

Отталкиваясь от данного деления, будем считать **бульварной** такую позицию автора, в которой соотносится *случайность* события, связанного с каким-либо новым религиозным движением, со случайностью собственных субъективных целеполаганий. Обычно такого рода сообщения делают акцент на экономических, сексуальных, паро-нормальных и других моментах, присутствующих, или «могущих иметь место» в том или ином случае. Таким образом, позиция бульварной прессы всецело подчиняется формуле: «случайное имеет дело со случайным».

Официальная же пресса, сообщая о религиозных новациях, обращает внимание больше на результаты их деятельности для всего общества. Здесь авторы существенно ограничивают круг своих читателей, ставя во главу угла ценности абстрактной свободы, общего миропорядка и т.д. Но, несмотря на

меньшую популярность данного рода сообщений, позиция официальной прессы является более развитой, чем предшествующая. Человек должен возвыситься над собственными страстями, он должен научиться следовать интересам *необходимого* и предпочесть его случайному бытию.

Наконец, **церковная** пресса выражает свое отношение к данному феномену, соотнося его с какой-либо сформировавшейся исторической традиции (например: постановление Архиерейского собора РПЦ «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме»). Кроме этого, церковная пресса ведет полемику с «прокультистскими» трактовками данного явления, не чуждаясь при этом безосновательности некоторых своих утверждений. Для иллюстрации упомянем здесь сообщения примерно такого содержания: «депутат депутат Гос. Думы В. Савицкий, собиравшийся обнародовать 14 декабря 1995 года данные о деятельности тоталитарных сект в России погиб за пять дней до своего выступления». Или: «Новый Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» настолько обеспокоил мормонов, что они лоббировали принятие американским Конгрессом законопроекта об отказе России в экономической помощи в случае, если она «начнет притеснять религиозные меньшинства» и т. д.

Все три разновидности СМИ стараются представить новые религиозные движения в виде преходящего фактора (усложняется лишь отношение к ним). И, тем не менее, этот феномен прочно укоренился в духовности XIX и XX веков, то есть с ним нельзя не считаться. Поэтому некоторые авторы непосредственно указывают на то, что религиозные новации есть следствие закона о свободе вероисповедания. Например, оценивая работу Ф. М. Рудинского «Институт свободы совести» (М.,1971), Ю. В. Тихонравов справедливо отмечает, что «право не дает деления религиозных исповеданий на «традиционные», «признанные» или же «непризнанные», «сектантские» или «раскольнические». Поэтому человек может исповедовать как «традиционную», так и «обновленную», даже им созданную религию, если ее исповедание не связано с нарушением законов». Выходит, что само содержание закона о свободе совести – суть современного секулярного государства, располагает к образованию этого вида религиозности.

Логическая возможность, то есть следование из определения закона и фактически устойчивое существование феномена новых религиозных движений, побуждают к деятельности более развитые, чем пресса, формы рефлексии – религиоведческое знание. Да и сами сообщения СМИ о социальных проблемах новой религиозности сейчас звучат совсем иначе, чем раньше. Они стали более сдержанными в собственных оценках происходящего, на второй план была отодвинута их когда-то модная сенсационность. Журналистика, похоже, осознала всю серьезность затрагиваемой здесь темы и приступила, наконец, к тому, чтобы максимально нейтрально фиксировать факты. Закончилась беспардонная обработка сознания читателя в направлении, задаваемом писателем. Всем стало ясно, что по влиянию на общество бульварная «клубничка» и межрелигиозные противоречия – совершенно разные вещи.

И сразу же проблема оценки этого явления переместилась на более высокий уровень. Борьба за религиозное выживание с городских улиц и площадей перешла в залы судебных заседаний или стала темой обсуждения в университетских аудиториях. Здесь перед юристами, с одной стороны, и молодой наукой о религии (религиоведением), с другой – возникли элементарные элементарные по форме вопросы: «Являются ли религией по сути эти «новые религиозные движения»? Как их можно классифицировать? Что следует от них ожидать в социально-правовом аспекте и т. д.?». Но за всей этой простотой скрывалось серьезнейшее испытание на способность «быть или не быть», в которое вовлекся даже не столько предмет, сколько *сама* рефлексия по поводу него.

Наука о религии всеми имеющимися в ее арсенале способами и средствами попыталась справиться с поставленной задачей. Главным для нее на данном этапе стала процедура, посредством которой можно было бы отличить *эту* религиозность от *той*, что привычна, традиционна (ведь сам же предмет отличает себя). Но как только религиоведение взялось за розыск этой отличительной характеристики, как данная проблема вывела ее на уровень общих вопросов: – что такое религия? какой признак ее отделяет от не религии? От подобного «категориального» вопрошания даже респектабельная научная дисциплина может впасть в «гносеологическое» отчаяние. И все же это испытание в целом плодотворно сказалось на религиоведческом знании. Здесь подтвердилась правота высказывания М. Хайдеггера о том, что уровень науки как раз «определяется тем, насколько она способна на кризис основопонятий».

То, что религиоведение должно «переболеть» этим «категориальным кризисом» еще на начальных стадиях своего самостоятельного развития, в этом немалая заслуга принадлежит феномену новой религиозности. В сфере, которая образовалась «по поводу» этой религиозности, социальные, практические проблемы вплотную сомкнулись с проблемами фундаментальной теории – проблемами определения ключевых понятий.

*Грибовський Б. О.,
НАПрН України Інститут державного будівництва та
місцевого самоврядування, аспірант,
м. Харків*

Причини та природа скоєння злочинів на підставі релігійної ненависті чи ворожнечі. Аналіз мотивів

Релігія сьогодні являється одним із керівних важелів правового та політичного устрою нашої держави. Релігійні відносини на сталому етапі розгалуження нашої країни відображають ті корінні зміни в нашому суспільстві, котрі відбулись за останні двадцять років. Україна вважається багатонаціональною та багатоконфесійною країною, що говорить про викликаний інтерес та культурний ріст нашої нації в очах інших представників світових культур. Тому збереження такої високої «марки» є важливим державним завданням, складовою частиною котрого становить профілактика